

Война добралась и до нас

Алексей СИКОРСКИЙ

СОЖЖЕННЫХ сел и убитых людей так и не сосчитали, хотя это возможно

Олег Корниенко рассказывал, что в Беларуси составлен полный список уничтоженных оккупантами населенных пунктов и погибших людей. У нас такого нет - может быть, мы сами себе не интересны?! Силами одних только волонтеров, общественных активистов такую глыбу не сдвинуть. Только на Сумщине Олег насчитал семь сел, которые подвергались нападениям и были уничтожены. Он рассказал такую историю.

В Никольском лесничестве или рядом с ним где-то появились партизаны. Ну они не появляются просто так, значит, харчами разжиться надо было, да и девки, сами понимаете. А они, девки, и не против. Однако некстати поблизости оказался венгерский обоз. Тыловики, заготовители, отнюдь не бойцы. Не слишком трезвые партизаны от-

крыли по ним огонь, не думая о последствиях для людей, в дома которых они пришли. Застрелили одного обозника и с видом победителей удалились в лес. А к утру появились ровно 2 тысячи карателей и тут уж не разбирали, кто встречал партизан, а кто просто ви-

дел или вообще не видел. Трагедии в Новой Слободе предшествовали разные события. В книге «У засечной черты», написанной путивлянами Александром ЛЕПЕШКИНЫМ, Анатолием ЛУГОВСКИМ и Валерием ДЕДЮХИНЫМ, есть информация о страшном для оккупантов бое, ко-

торый разгорелся вблизи Новой Слободы зимой. Местные жители показывали место — луг, переходящий в болотце, а зимой — открытая местность. Дальше — холмы, лес, в глубине — монастырь с капитальными постройками и сетью подземных ходов. Так вот, только двумя пулеметами партизаны сумели не расстрелять, а заморозить до двух сотен мадьяр. Ну просто заставили лечь на этой небольшой равнинке и не поднимать головы. В книге приводятся воспоминания венгерского офицера, где он признается, что было тяжело, ну да не будем цитировать, и так все ясно: мороз за двадцать, мордой в снег - и не шевелись. Задokumentированы сведения и о весеннем бое, который прошел с теми же результатами, хотя оккупанты планировали партизан окружить и уничтожить. Анатолий Луговской в частной беседе рассказал еще одну любопытную историю, но как народный

пересказ, а не задокументированный факт. За день до карательной операции в Новой Слободе в селе появилась партизанская разведка. А основные силы мадьяр были где-то, в селе оставались несколько кашеваров. Их-то партизаны и порезали, и побросали в котлы. Неизвестно, в какой последовательности производились народно-мстительные действия — сначала резали, а потом - в котлы или наоборот. Рассказываем это только затем, чтобы было ясно, что враг был не просто враг, а взбесившийся. И, разумеется, всю свою ненависть обрушил на беззащитных. Во всех районах выходили оккупационные газеты, в первых же выпусках которых население предупреждалось о смертной казни за любую помощь партизанам или окруженцам. И тем не менее находились простые бабушки-тетушки, которые ну просто не могли сдать в гестапо раненого хлопчика. Держали таких на чердаках или в погребах, рискуя не только сво-

ей жизнью, но и детьми-внучатами. А приказ был однозначен: «шиссен» не только виноватого, но и всех, кто находился рядом. А сколько людей отрывало кусок у собственных детей, чтобы перебросить «тормозок» за забор, пленным, которых оккупанты принципиально не кормили! Своих

же полуголодных детей посылали на такую миссию. И старики вспоминают, что иногда немец, который охраняет периметр, может оказаться нормальным — не увидеть и не услышать. Сумская область - не весь мир и даже не вся Украина. Жестоко страдали наши ближайшие соседи. От рас-

сказов людей иногда просто жить не хочется, а они боролись за жизнь. Говорят, что самой заветной мечтой каждого ребенка, который почувствовал войну на себе, было не стать летчиком или, например, моряком, а просто хорошо, нормально поесть. Голод был страшный, взрослые старались уберечь от него маленьких, только не всегда получалось. Дети запоминают то, что для взрослых есть малозначущий эпизод. Бабушка, которой теперь за 90, помнит, как оцинкованные корыта использовались в качестве санок, как оккупанты запрещали меновую торговлю на местных базарах, называя это спекуляцией, и о том, как люди шли на этот базар, рискуя не штрафом, а жизнью. Потому что дома были дети и внуки, вот ради них. Некоторых людей мадьяры брали не то чтобы в плен, а на работу. Без определения срока, длительности рабочего дня и т. п. Получил баланду, не застрелен — так ты же счастливчик!